

НЕБОЛЬШИМИ ШАГАМИ, НО — К ЛУЧШЕМУ

Доменный цех никогда не был схож с конфетной фабрикой или предприятием по изготовлению макарон. Пыли там предостаточно.

Пожалуй, именно он сейчас является самым запыленным цехом комбината. В былые времена приоритет был, естественно, за мартеновскими печами и двухванными сталеплавильными агрегатами. Большая часть пыли попадает в подбункерные помещения вместе с продукцией коксохима и горно-обогатительного производства.

О системе пылеуборки подбункерных хотелось бы сказать особо. Думалось, что с вводом в строй первой домны произойдет маленькая экологическая революция и в первую очередь в этих сильно запыленных помещениях заметно улучшатся условия труда работающих. Не зря же во времена многолетней реконструкции первенца первой пятилетки в девяностых годах строили, а после запускали систему гидроуборки!

Мне казалось, периодически в подбункерном помещении первой домны автоматически включается вода и смывает накопившуюся на полу пыль. Но фактически все значительно проще: ее смывают шлангами вручную сами работники подбункерного помещения. Причем у каждого — свой определенный участок для уборки. Естественно, и понятие о запыленности у каждого свое. Кто-то полы вымывает неоднократно за каждую смену, а у кого-то пыль выше щиколотки лежит и при каждом шаге поднимается до потолка.

По мнению работников доменного цеха, система гидроуборки дала положительные результаты: снизила запыленность. На других печах она значительно выше, так как в подбункерных помещениях ее убирают лопатами и сдувают воздухом. В итоге пыль ровным слоем ложится по округе. Для локальной очистки воздуха от грохотов и транспортеров служат ротаторные фильтры, которые относительно недавно начали внедрять в доменном цехе. Раньше их «должность» на первой домне выполняли циклоны, но возможности для очистки воздуха у них значительно хуже, чем у фильтров.

Вполне естественно, что первая домна — пионер новых очистных технологий. Лучшее, что у нее есть, собираются тиражировать по всему цеху. Производительность фильтра 200-240 тысяч кубометров воздуха в час. Степень очистки достаточно высока. Правда, доменщики-энергетики пока не могут выбрать ткань, которую используют на кассетах: то берут ее у изготовителей — екатеринбургского предприятия «Озон», то испытывают продукцию харьковских «фирмачей» — металлотексту со специальным напылением.

Первые кассеты, обернутые в металлоткань Украины, показали неплохие результаты как по стойкости напыления, не пропускающего мельчайшие твердые частицы, так и по степени очистки.

Есть у фильтров и недостаток. Раскатывали в железнодорожные вагоны уловленную пыль из бункеров. Сыпалась она самотеком — сухая. Легкий ветерок вдоль здания клубил ее параллельно железнодорожному пути. Вдобавок, просыпалась она сквозь щели вагона. И, наверняка, сыпалась на шпалы по всему пути следования до горно-обогатительного производства, где ее используют в агломерации.

Очистные установки на первой домне решено поставить и на литейных дворах, хотя степень запыленности здесь значительно ниже, чем в подбункерных помещениях. Цели преследовались две: создать более благоприятный микроклимат для горняков и забрать графит и пыль, выделяемые чугуном. Забор воздуха пойдет в два этапа: через циклоны и аэродинамические модули. Последние — новинка для Магнитки. Представите металлическую трубу диаметром около 30 сантиметров и длиной больше метра с заслонкой, внутри которой на конусе установлены шайбы. Если они правильно отцентрированы, то очищенный воздух пойдет между ними, а пыль сконцентрируется внутри. Несколько секций модуля испытывались на 10-й печи на очистке организованных выбросов из подбункерного помещения и показали неплохие результаты.

Конечно, заниматься очистными сооружениями в эпоху тотального дефицита средств, где, кажется, сложно найти деньги даже на воспроизводство, практически невозможно. Но, несмотря на это, по ходу соответствующих ремонтов печей доменщики увеличивают мощности дымососов и улучшают экологию в подбункерных помещениях. К уже имеющейся системе гидроуборки планируется, к примеру, подключить подбункерные четвертой печи. Худо-бедно, но экологические проблемы в доменном цехе решаются...

Г. ПОГОРЕЛЬЦЕВ.

БЕЛОВОДЬЕ

Счастливым обитателем Беловодья Плещу воды в таинственную чашу И опустил в нее кусочек яшмы, Один кусочек яшмы благородной.

И белый свет пошел со дна сосуда, Лучи кружились, освещая своды. Вот этот свет воды из ниоткуда И называли люди беловодьем.

Косматых гор кристальные подножья, Подземных рек хрустальные затворы, Вот почему так светятся тревожно Уральские бессонные озера.

Свет от кристаллов мчит к небесным сводам, Рисует знаки, символы и планы. Вот почему на нашем Беловодье Гостят частенько инопланетяне.

Растеряны ученые Урала: Для связи с чудом нет аппаратуры. С пришельцами беседуют кристаллы По праву представителей культуры.

ОЧЕРК ПРАВОВ

1. Фонтан для Великого Полоза

В пору сердечной смуты, во время социальной растерянности думается: как хорошо, что есть еще вот эти крохотные безрезки, усмешливые речки и ручейки, целомудренные, как девушки, озера, удивленные сами себе камни-самоцветы. Сегодня общество агрессивнее природы, которую оно так хитроумно укрощает. Потрясает оценка родной земли только посредством денег: «А сколько это стоит? А не снести ли на рынок могилу матери? Вот продам и стану князем. А не продам, лучше сам себя уничтожу»... Это, конечно, затмение человека. Я вспоминаю «Сказ про Великого Полоза» Павла Петровича Бажова. Великий Полоз — подземный Хозяин уральского золота. Время от времени люди видят его: «И вот изпод земли стало выкатываться туловище преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом туловище выгнулось прямо на костер, вытанулось по земле, и попользо это чудо к Рябиновке, а из земли все кольца выходило да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костер-то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой-то другой, и холодом потянуло. Дошел змей до Рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замерзла по ту и другую сторону. Змей перешел на другой берег, дотянулся до старой березы, которая тут стояла, и кричит: «Заметили? Тут вот и копайте! Хватит вам по сиротскому делу. Чур, не жадничайте!»

Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет».

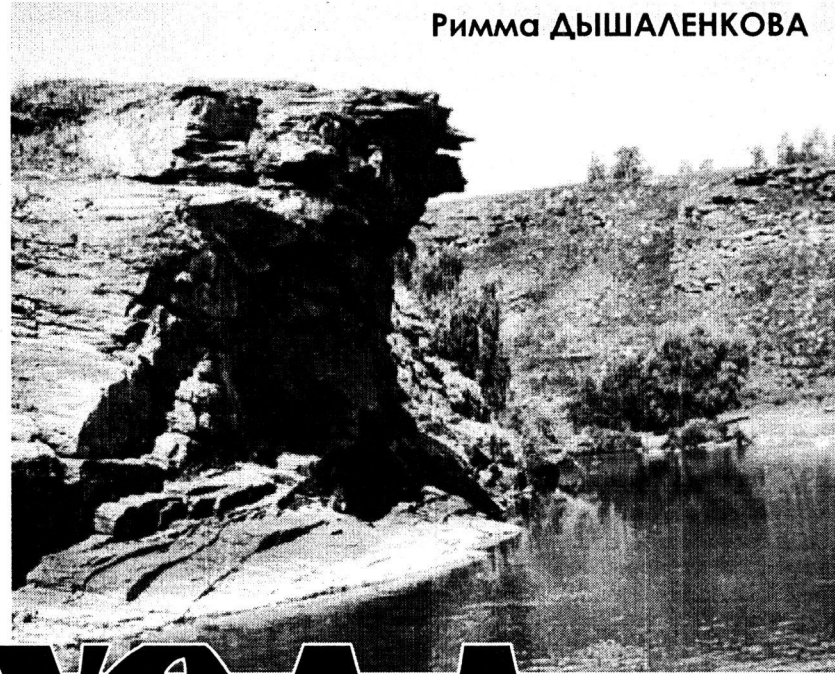
Да, кто за охвостье золота ухватится, свет белый не взвидит. Но мне вспоминается совершенно безобидная история, происшедшая на моих глазах в городе Миассе.

В один из юбилеев нашего великого уральского сказочника Павла Петровича Бажова я приехала в Миасс на встречу с детьми, чтобы рассказать им о Бажове, поиграть в его ни с чем не сравнимые сказки.

На праздничной встрече были дети, ну и, конечно, взрослые идеологические контролеры.

В конце концов я и говорю со своей трибуны:

— Дети! Вы, конечно, знаете, что Ми-

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

УРАЛ — ЗЕМЛЯ ЗОЛОТАЯ

асс вот уже двести лет добывает из земли золото.

— Знаем! — кричат в ответ дети.

— Так какой же сказ Бажова ближе всего к Миассу?

— Сказ про Великого Полоза! — шумит вразногласицу детвора.

— Так пусть же ваши отцы построят в Миассе фонтан в виде великого Полоза, будет вам, детям, игрушка и земли благодарность за то, что она непрерывно золото даром отдает. А то ведь вы, наверное, фонтаны в Москву смотреть ездите?

— Да, — неуверенно отвечают дети. Не все, видать, ездят.

— Нет, — поднялся на сцену некий идеологический контролер, — нельзя так рассуждать. В городе нет денег для строительства жилья, а вы тут про фонтан говорите. Но есть и другая причина, по которой фонтана не будет. В Миассе для фонтана нет воды.

Дети притихли от жесткого голоса контролера. Больше о фонтане для Великого Полоза мы не говорили. Нет воды, так нет. Хотя Миасс расположен в краю тысячи озер. И фонтан — не самый вредный производственный цикл для использования и возврата воды обратно в природу. Постоянная, уж почти тысячелетняя эта идеология: Москве можно, а Миассу нельзя. И Сатке — нельзя. И Магнитке — нельзя. И Карабашу — нельзя. И Кыштыму — нельзя. Весь мир восхищает итальянский город Флоренция. Стал он таким прекрасным не вдруг, а за счет природных залежей каррарского мрамора. Дело только в том, что отцы города Флоренция сначала украшали свой город, а потом продавали природный мрамор, скажем, в город Рим. Каррарский мрамор истощился, а Флоренция живет в немалой степени за счет туристов, которые стекаются сюда со всего мира, чтобы подивиться тому, как богатства земли преобразовались в богатства человеческого духа.

А где, Урал, Флоренция твоя?

Где скульпторы твои, каменотесы? Под каблуки московского царя ушли твои гранитные утесы...

Да, те, кто держится за «охвостье Великого Золотого Полоза», беспощадны. Идеологи от золота смоделируют и докажут бесполезность и обреченность всего, что не есть золото. Так закрутят, завертят и обнаружат твоё банкротство и ничтожество, что ты отправишься в глухой лес, да и удавиться там, позабыв поцеловать родную, прекрасную, ни в чем не повинную землю.

2. Муравьиные тропы золота

«Тропка как тропка. Мурашки по ней ползут, только все в одну сторону, а встречных не видно... И то диво — мурашки будто больше стоят, и как где место пооткрытее, там видно, что на лапках у них вроде искорки. Видно стало, что на каждой лапке как капелька маленькая прилипла».

Это цитата из сказа Бажова «Жабреев ходок». То есть муравьиная золотая тропа. Урал — земля золотая.

Об этом знали всегда: и при феодализме, и при капитализме, и при социализме. Но вот мы все вернулись в капитализм. Или мы из него и не выходили? Есть грозные промышленные монстры добычи золота якобы для государства, но мне приятно записать в свою записную книжку знание о том, что не перевелись еще на Урале муравьиные золотые тропы. Их не может взять ни экскаватор, ни динамит, ни государство. Рассыпное золото может взять сегодня только не совсем государственный человек. Или группа людей. Например, цыгане. Цыгане любят золото не так, как московские банкиры. Они любят его по-древнему, по-природному, не отбирая его у земли, а выпрашивая понемножку.

Рассказал мне эту историю водитель издательского грузовика. Он взял меня с собою в кабину в дорогу от Магнитогорска до Челябинска.

— Дорога дальняя, рассказывайте мне сказки, — попросила я его, — водители много чего видят и слышат.

Александр улыбнулся: «Вот сейчас подъедем к Пласту, и я Вам покажу то место, где дорога просела».

В Пласте давняя промышленная добыча золота. Все, что связано с добычей золота, окружено тайной. Ни в одной газете вы не увидите экономического отчета о добыче золота. Это вам не добыча 300-миллионной тонны железной руды у горы Магнитной.

Лет десять вот в этой березовой роще у Челябинского тракта возле Пласта стоял цыганский табор. Никто не интересовался, чего они тут стоят. Поют, веселятся, особенно никого не беспокоят. Только люди поговаривали, что они умеют золото у земли выпрашивать, выпевать, вытанцовывать. Говорят, рассыпное золото лежит не глубже четырех метров под землей, а ниже оно уже идет в смеси с горной породой, и тогда нужна промышленная добыча с обогащением. Рассыпное золото могут муравьиные тропы указать, его может выкатить в виде комышка мышка из норки, или суслик, или иное подземное существо, может оно оказаться и в змеином логовище. Наверное, не одни цыгане умеют выискивать рассыпное золото, но у цыган это ритуал, религия и магия. Так бы они тут и паслись на окраине Пласта. Но их главный знаток-цыган уцепился за охвостье золотой жилы и стал вслед за ней вглубь земли вкапываться. И повел его «змеиный след» золота, то исчезая, то вновь мерцая, прямо под полотно автомобильной трассы.

Так в жизни и водится. Забудется человек, предаст жизнь, она его и отпустит из-под своей защиты. Ну, а дальше всем известно: подрыл цыган дорогу, она под тяжестью грузовиков осела и раздавила цыгана-золотодобытчика в его маленькой шtolьне.

Цыгане, видимо, поняли, что разгневали Великого Полоза, многого захотели. Цыгане — народ мистический, они снялись с этого места всем табором и больше не появлялись.

Тайное дело — добыча золота, неведомы его муравьиные тропы, но ведь всем же ведом его змеиный нрав.